

Ладусет Э.

ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Эдмон Ладусет

Железная маска

«Алгоритм»

около 1900 г.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Ладусет Э.

Железная маска / Э. Ладусет — «Алгоритм», около 1900 г. — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03945-4

Эдмон Ладусет – один из целой плеяды французских исторических романистов. Известны как минимум три его книги, вышедшие в Париже на рубеже XIX и XX веков: «Любовь и деньги», «Война камизаров» и «Железная Маска». Благодаря последней из них его имя и дошло до наших дней, поскольку тайна человека в маске вот уже более трех столетий не дает покоя и серьезным исследователям, и писателям, и просто любителям загадочных историй. В публикуемом на страницах данного издания романе «Железная Маска» автор в увлекательной форме излагает свой взгляд на личность легендарного узника Бастилии, которому под страхом смерти запрещалось показывать кому бы то ни было свое лицо и называть свое подлинное имя. Таинственному пленнику посвящались солидные монографии и легкомысленные романы, пьесы и кинофильмы. По воле великого Дюма его освободили из заточения мушкетеры во главе с неподражаемым д'Артаньяном, его образ запечатлен в нашей памяти благодаря великолепным кинофильмам, в которых в разное время блистали Дуглас Фербенкс, Жан Марс и – в новейшей киноверсии – Леонардо Ди Каприо.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03945-4

© Ладусет Э., около 1900 г.

© Алгоритм, около 1900 г.

Содержание

Глава I	7
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	31
Глава VII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдмон Ладусет

Железная Маска

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Глава I

Угрозы Ньяфона

В 1665 году неподалеку от Дижона, на вершине холма, у подножия которого, прямо у реки Армансон, раскинулось селение, стоял замок графа де Бреванна, хозяина тех мест.

Граф вел жизнь затворника, никогда не спускаясь в селение, и, что самое странное, не позволяя своим вассалам являться к нему в замок. Так, впрочем, было не всегда. Когда-то он часто покидал свою крепость, принимал многочисленных гостей, не был излишне строг к своим вассалам. Но однажды все внезапно переменялось.

Двадцать семь лет назад, считая от описываемых нами событий, граф вернулся из поездки в Париж мрачным и молчаливым, и с того самого дня жизнь его стала замкнутой и загадочной.

Жена де Бреванна умерла молодой, оставив ему дочь нескольких месяцев от роду. Маленькая Сюзанна росла в добровольном заточении у своего отца, а в возрасте двенадцати лет была отдана на воспитание в монастырь, хотя графу, горячо ее любившему, было и не просто так поступить.

На склоне холма, подобно стражу, стояла красивая ферма, в которой жила мадам Жанна с дочерью Ивонной. Мадам Жанна, давно уже овдовевшая, хранила нерушимую верность графу, выступая его поверенной в общении с внешним миром, и слыла женщиной рассудительной и доброй.

Ивонна, дочь мадам Жанны, была очаровательная девушка лет двадцати, с тонко очерченным нежным лицом, на котором, однако, особенно в блеске живых глаз, читался характер твердый и решительный.

В тот вечер – а с него мы и начинаем свой рассказ – Ивонна сидела в зале фермы у огромного камина, огонь которого освещал помещение. В неподвижных руках девушки покоилась едва начатая вышивка, а сама она, погруженная в размышления, казалось, не замечала ничего вокруг. Вдруг дверь в залу медленно приоткрылась, и в образовавшейся щели показалась мужская голова. Пристальным взглядом изучив помещение и увидев, что Ивонна одна, мужчина бесшумно проскользнул к камину и скорчился у огня. В красноватом отсвете пламени его дьявольская внешность просто ужасала: это был безобразный карлик с маленькими кривыми ножками и длинными тонкими руками, свисающими ниже колен; спину закрывал гигантский горб; непомерно большая голова казалась чудовищной; узкий лоб тонул под гривой густых рыжих волос, почти доходивших до косматых бровей, под одной из которых бешено сверкал единственный глаз. Похоже, что природа, сочтя подобное уродство незавершенным, сделала карлика еще и кривым.

Заметив молчаливое присутствие этого чудовища, Ивонна вздрогнула, посмотрела на него с удивлением, но без испуга и спросила:

– Что привело тебя сюда в столь поздний час, Ньяфон?

– Мадемуазель, – ответил хриплым голосом карлик, – я пришел, несмотря на мороз и снег, в котором тонули мои ноги.

– Бог мой! Но зачем? Что-то случилось с моей матушкой?

– Нет, мадемуазель, мадам Жанна сейчас у графа. Я пришел лишь затем, чтобы поговорить с вами наедине.

– Что за нужда? Ты хочешь открыть мне какую-нибудь тайну?

– Сначала мы поговорим о вашей тайне... а уж потом перейдем к моей.

– О моей тайне? – пробормотала девушка, покраснев.

– Раньше я всегда видел вас смеющейся, веселье не покидало вас, – продолжал карлик, словно и не слышал ее последних слов. – Вы бегали по полям и лугам, верхом на горячем коне легко перелетали через изгородь фермы; даже заставляли оруженосца графа сражаться с вами на шпагах. Вы часто пели, пели и смеялись... Сейчас же, напротив, вы бледны и задумчивы, а улыбку сменили постоянные вздохи. Подобной переменой вы обязаны этому таинственному человеку, чья судьба роковым образом отражается на всех нас. С его приходом счастье оставило замок. Лоб графа де Бреванна изборожден глубокими морщинами, молодость мадемуазель Сюзанны увядает в стенах монастыря, слуги не могут шага ступить из замка, вы же перестали петь и смеяться – и все из-за того, что здесь этот монсеньор Людовик, а вы... вы его любите!

– Ньяфон! – воскликнула девушка, побледнев и резко встав.

– А теперь я открою свою тайну, – дрогнувшим голосом продолжал карлик. – Я вас люблю!

Девушка серьезно посмотрела на него и сказала:

– Бедняга Ньяфон, твоя речь – речь безумца, и лишь поэтому я тебя прощаю! Однако...

– Сжальтесь надо мной! – прорычал взбешенный карлик. – Вы, подобно всем прочим, видя, как природа обошлась со мной, полагаете, что сердце мое лишено чувств. Но вы ошибаетесь, мадемуазель Ивонна! Я люблю вас и хочу, чтобы вы стали моей женой, однако подумайте хорошенько, прежде чем отказать мне, поскольку от меня, и только от меня, зависит счастье или несчастье всех живущих в этом замке... Клянусь, что это правда!

– Да, я ошибалась, – холодно ответила ему Ивонна. – Я, подобно всем прочим, считала тебя несчастным, обделенным судьбой созданием, которое следует защищать и утешать, но теперь, убедившись в твоей дерзости, я вижу лишь дурные наклонности и злое сердце... Убейся прочь! Я изгоняю тебя из своего дома!

Однако Ньяфон не пошевелился, продолжая смотреть на Ивонну своим единственным налитым кровью глазом.

– Послушайте, – сказал он. – Кто-то идет сюда.

– Это возвращается моя мать.

– Нет, это приближается моя месть.

Девушка бросилась к окну и в бледном свете луны различила фигуру мужчины.

– Монсеньор Людовик, – прошептала она.

Открылась дверь, и в залу вошел юноша, протягивая руки к Ивонне. Но тут он заметил карлика и спросил:

– Что это значит, Ньяфон? Ты сказал, что Ивонна в большой опасности. Поэтому я и пришел... Но, похоже, ей ничто не угрожает?

– Со мной все в порядке, монсеньор! – воскликнула девушка.

– Нет, нет! Я говорил правду! – отозвался Ньяфон, прикидываясь дурачком. – Просто я перепутал... Я имел в виду мадемуазель Сюзанну де Бреванн.

– Сюзанне угрожает опасность? – заметно волнуясь, спросил Людовик.

– И очень серьезная, монсеньор, – подтвердил карлик. – Вы ведь не знаете, что этим утром господин де ла Бар, оруженосец господина графа, ускакал в монастырь урсулинок, чтобы привести в замок мадемуазель Сюзанну.

– Сюзанна возвращается! – воскликнул юноша с такой искренней радостью, что Ивонна слегка пошатнулась, видя, как он даже не пытается скрыть охватившие его чувства.

– Сегодня же вечером она будет здесь, если только не... – Карлик запнулся и взглянул на Ивонну, почти лишившуюся чувств.

– Ну же, договаривай! – нетерпеливо прикрикнул на него монсеньор Людовик.

– Монсеньор, – продолжал карлик, – как стемнело, в гостиницу «Корона», а это недалеко отсюда, на дижонской дороге, вошли четверо. Я спрятался под стол, все слышал и из сказанного понял, что они ждут возвращения шевалье де ла Бара, дабы убить его и похитить мадемуазель.

Юноша не стал слушать дальше. Он запахнул плащ и уже собирался выбежать из залы, когда Ивонна попыталась задержать его:

– Не придавайте значения словам этого несчастного, монсеньор. Он просто пытается оправдаться...

– Я сказал правду, – возразил Ньяфон. – Впрочем, если вы мне не верите... Но ведь и мадемуазель Ивонне также известно, что этим вечером мадемуазель Сюзанна должна вернуться...

– Да-да, я знала... – пробормотала Ивонна.

– Знала, но ничего мне не сказала? – с упреком сказал монсеньор Людовик и, мягко отстранив ее, вышел.

Карлик, одарив Ивонну саркастической ухмылкой, также вышел и запер за собой дверь, чтобы девушка не смогла последовать за ними. Минуту спустя он уже скакал рядом с юношей.

Карлика переполняла злоба и ярость, он погонял лошадь, сжимая в руке сверкающий кинжал и бормоча сквозь зубы:

– Вперед, вперед, монсеньор Людовик! Даже если ты уйдешь от них, уж я-то тебя не пощажу!

Глава II

Похищение

В четыре часа пополудни два всадника выехали из Дижона и, оказавшись на нужной им дороге, пустили лошадей во весь опор, борясь с порывами снежного вихря.

Один из всадников обернулся и спросил другого:

– Вы не очень устали, мадемуазель Сюзанна?

– Ах, месье де ла Бар! – ответила девушка. – В монастыре урсулинок не обучают тонкостям верховой езды...

– Потерпите, мадемуазель. Через час мы будем уже в замке.

– Трудно заподозрить в недостатке терпения человека, возвращающегося под крышу родного дома после восьмилетнего отсутствия. Однако должна признать, что я просто с ног валюсь от холода и усталости.

– Послушайте, мадемуазель, я уже вижу огни гостиницы «Корона». По сути, это всего лишь постоялый двор, но, если вас не испугает его убожество, мы могли бы остановиться там ненадолго, чтобы вы хоть немного отдохнули.

– Мне нечего страшиться, мой добрый де ла Бар, ведь я с вами. Едем в «Корону».

Они уже были в двух шагах от гостиницы, когда воздух прорезал резкий свист. Оруженосец обернулся и разглядел сквозь пургу силуэты двух мужчин.

– Что-то они не внушают мне особого доверия, – пробормотала Сюзанна.

В тот же самый миг дверь гостиницы распахнулась, и из нее вышли еще двое, со шпагами в руках, явно собираясь преградить путникам дорогу. Шевалье де ла Бар мгновенно оценил всю серьезность положения и выехал вперед, закрывая Сюзанну своим телом. Затем он взвел курок пистолета, обнажил шпагу и стал ждать дальнейшего развития событий. Все четверо теперь держались вместе. После недолгой паузы один из них вышел вперед и, отвесив преувеличенно любезный поклон, напыщенно сказал:

– Понимая, что место сие вряд ли может быть сочтено подходящим для знакомства, я все же позволю себе осведомиться, не вы ли шевалье де ла Бар, оруженосец графа де Бреванна?

– Вы не ошиблись, – сухо ответил оруженосец.

– Тогда позвольте представиться: капитан Фариболь...

– Это имя мне ни о чем не говорит. Что вам угодно?

– Предложить вам отдых в гостинице «Корона».

– И все?

– Шевалье, вам предоставляется прекрасная возможность провести ночь здесь, в тепле и безопасности, поскольку мы с друзьями решили послужить личным эскортом для очаровательной мадемуазель де Бреванн.

– Презренные бандиты! – в гневе воскликнул де ла Бар.

– Достоин же вы платите за наше гостеприимство! – ответил Фариболь. – Но бог с вами, мы будем учтивы до конца. – И, повернувшись к своим сообщникам, он приказал: – Обслужите этих господ. Живее!

Едва последние слова слетели с его губ, как два негодяя схватили лошадей наших путников под уздцы. Но тут раздался выстрел, и бандит, державший лошадь шевалье, упал с простреленной головой.

– Тысяча чертей! – вскричал Фариболь. – Он убил беднягу ла Раме!

Главарь обнажил шпагу и бросился на оруженосца, но увидел, что тот покачнулся в седле и упал на снег, истекая кровью. Обращаясь к человеку, ранившему несчастного шевалье, Фариболь сказал:

– Займись девушкой, Росарж. Разве ты не видишь...

Но он не успел закончить фразу. Вновь прогремел выстрел, и пуля оцарапала ему ухо.

– Гром и молния! – вскричал Фариболь. – Нельзя терять время. Росарж, ты знаешь, куда следует отвезти мадемуазель. А мы с Мистуфле займемся новыми противниками.

И действительно, к месту нападения быстро приближались два всадника.

– Сюзанна! Сюзанна! – крикнул скакавший впереди.

– Монсеньор Людовик! На помощь! – воскликнула насмерть перепуганная девушка и лишилась чувств.

Росарж схватил ее, перебросил через седло своего коня и умчался во весь опор.

Фариболь и его приятель посторонились, словно давая дорогу лошади Людовика, но, когда она поравнялась с ними, набросились на нее, вцепившись пальцами в ее ноздри. Ошалевшее животное еще какое-то время тащило их за собой, затем стало на дыбы и упало, увлекая за собой седока и обоих нападавших. Монсеньор Людовик оказался в снегу, тщетно пытаясь высвободить правую ногу из-под лошади. Подняв глаза, он увидел уродливую голову Ньяфона, склонившуюся к самому его лицу. Охрипшим от ненависти голосом карлик произнес:

– Ивонна была права, вам не следовало доверять мне, ведь я ненавижу вас не меньше, чем люблю ее и чем отвратителен ей. Заманив вас в эту ловушку, я надеялся, что с вами разделяются и без меня, но, уж коли сейчас вы в моей власти, я все сделаю сам... Монсеньору Людовику предстоит умереть!

– Презренный предатель! – прохрипел юноша, отчаянно пытаясь вытащить ногу.

Ньяфон издевательски рассмеялся и поднял руку, сжимавшую острый кинжал, но в этот момент кто-то железной хваткой схватил его за запястье и выкрутил его руку, заставив выпустить оружие.

– Тысяча чертей, что за шустрый урод! – воскликнул вовремя подоспевший Фариболь. – Ты, похоже, вознамерился совершить убийство, не испросив разрешения у старших?

Задыхаясь от гнева и боли, Ньяфон прорычал в ответ:

– Почему вы встречаете в то, что вас не касается, вы, живущий убийством?

– Придержи свой змеиный язык! – воскликнул Фариболь, выкручивая ему ухо. – Я и мне подобные убивают и рискуют своей шкурой, преследуя порой отнюдь не благородные цели. Это правда. Но мы никогда не добиваем безоружного противника, который к тому же еще и ранен. Мы встречаем врага в открытом бою, а когда нам попадается бездельник вроде тебя, мы ему просто отрезаем уши, а твои, между прочим, столь велики, что маленькая операция им не повредит.

– Я отомщу! Я отомщу за все! – взвыл карлик.

Фариболь ограничился издевательским смешком и окликнул своего товарища:

– Мистуфле!

– Да, хозяин?

– Забери этого болвана.

– Сейчас, хозяин.

Мистуфле схватил Ньяфона и отшвырнул его в сторону, словно мешок с тряпьем.

Фариболь, склонясь над молодым дворянином, тщательнейшим образом осмотрел его и воскликнул:

– Тысяча чертей! Он потерял сознание! Давай-ка вытащим его отсюда, Мистуфле.

Они тут же принялись за работу: Мистуфле с неожиданной легкостью приподнял упавшую лошадь, а Фариболь поднял юношу на руки и сказал:

– Прежде всего его следует нормально устроить. Пойди освободи хозяина гостиницы и его жену и распорядись, чтобы они приготовили все необходимое.

Пять минут спустя монсеньор Людовик уже лежал на тюфяке у камина, а вокруг него хлопотали хозяева постоянного двора, выпущенные из комнаты, где их незадолго до этого запер Фариболь, дабы спокойно и без помех осуществить задуманное похищение.

– Принеси-ка водки, она способна поставить на ноги и мертвеца, – попросил Фариболь Мистуфле.

Между тем хозяин гостиницы, окончательно оправившись от испуга, зажег факел от огня в камине и протянул его Фариболю. Тот склонился над лежащим, дабы получше рассмотреть его лицо, когда же ему это удалось, он в ужасе отшатнулся:

– Гром и молния!

– Что случилось, хозяин? – спросил Мистуфле, принесший бутылку водки.

– Сам посмотри, – ответил Фариболь, указав на лицо юноши.

– Святая Дева Мария! – воскликнул Мистуфле, вздрогнув и побледнев. – Мы пропали! Нас повесят! Ведь это же его величество король Людовик Четырнадцатый.

Приятель в испуге переглянулись, и Мистуфле добавил:

– Хозяин, похоже, что самое время уносить ноги.

Владелец постоянного двора, вновь дрожа от ужаса, упал на колени рядом со своей женой и молитвенно сложил руки, в отчаянии восклицая:

– В нашем доме король! Мертвый! Убитый!..

Однако Фариболь не столь легко терял присутствие духа. Он, быстро стряхнув оцепенение, пожал плечами, подкрутил ус и, казалось, одними лишь этими простыми жестами успокоил несчастного.

– Замолчи, мошенник! – приказал он ему. – Король жив и, тысяча чертей, только потому, что мы вовремя помешали его убить. Давай, Мистуфле, попробуем привести его в чувство. Хорошо, если, придя в себя, он увидит нас коленопреклоненными перед его ложем и покорными его воле.

Оба они встали на колени перед распростертым юношей. Фариболь осторожно расстегнул ему камзол, а Мистуфле смочил ему губы содержимым принесенной бутылки. Вскоре монсеньор Людовик пришел в себя, приподнялся на локте и посмотрел по сторонам.

– Где я? – спросил он.

– Сир, – почтительно ответил Фариболь, – вы у ваших верных подданных, готовых защищать вас до последнего вздоха.

Юноша встал и произнес:

– Да, да! Теперь я вас узнаю. Вы те два бандита, виновные в похищении мадемуазель де Бреванн и в несчастье, постигшем оруженосца графа.

– Сир, – пробормотал Мистуфле, дрожа всем телом, – у вашего величества превосходная память...

– Да, не жалуюсь, а потому помню и то, что обязан вам жизнью. Я готов простить ваши преступления, если вы поклянетесь исправить причиненное вами зло и впредь верно служить мне.

– Клянемся! – хором ответили два приятеля. – И если ваше величество...

– Но почему вы именуете меня этим титулом?

– Сир, – ответил Фариболь, – прежде чем злосчастная судьба превратила нас в... бродяг, мы оба служили в королевских войсках, и ваш августейший облик навсегда запечатлелся в нашей памяти и наших сердцах. Но если ваше величество предпочитает хранить инкогнито, мы, конечно же...

– Помилуйте, вы действительно принимаете меня за Людовика Четырнадцатого, короля Франции?

– Ваша милость, я слишком часто видел его лицо и фигуру, слышал его голос, чтобы сейчас ошибиться. Обычное сходство не могло бы ввести меня в заблуждение, да оно и не бывает столь разительным между двумя человеческими существами, если только они не братья...

– Братья! – побледнев, воскликнул юноша.

Затем, задумчивый и мрачный, он долго мерил шагами залу, но в конце концов остановился перед своими нечаянными спасителями и сказал:

– Честью клянусь, что вы ошибаетесь. Я всего лишь ничем не знаменитый дворянин, тайна рождения которого сокрыта для него самого... Это загадка... Я – загадка! Но если окажется правдой то, что я подозреваю... что ж, тогда я смогу определенно сказать вам: я не только не король Франции, но и имею все основания быть ему врагом!

Его слушатели невольно вздрогнули от этих слов, а хозяин гостиницы, внезапно догадавшись, воскликнул:

– Господи! Это же монсеньор Людовик! Боже, помилуй нас!

– Чем вызван ваш испуг? – спросил у него юноша.

– Мы погибли, монсеньор! – еле выговорил несчастный. – По приказу графа де Бреванна всякий, увидевший вас или заговоривший с вами, карается смертью.

– Ах так! – воскликнул юноша с ноткой торжества. – Это лишь доказывает, что я не ошибался! Значит, я...

Но ему не удалось закончить фразу: дверь распахнулась от сильного удара, и в залу ворвался граф де Бреванн в сопровождении вооруженных мушкетерами слуг. Граф был без шляпы, его одежда была в беспорядке. Он быстро прошел в середину залы и, указывая на Фариболя, Мистуфле и хозяина гостиницы, приказал:

– Стреляйте в этих людей!

Однако, прежде чем люди графа успели навести свои мушкеты, оба авантюриста бросились вперед, схватили графа за руки и закрылись им, словно живым щитом.

Слуги в растерянности опустили оружие. Граф же, не изменившись в лице, громко повторил:

– Исполняйте приказание! Стреляйте и ничего не бойтесь! Огонь! Огонь, вам говорят!!

Видя, что импровизированные солдаты уже готовятся исполнить столь энергичный приказ, Мистуфле обнажил шпагу, но монсеньор Людовик схватил его за запястье:

– Спрячь шпагу.

Затем он спокойно встал между слугами и графом и сказал:

– Возможно, месье графу угодно, чтобы его слуги заодно прикончили и меня?

– Монсеньор! Монсеньор! Не рискуйте так! – взмолился граф. – Отойдите, прошу вас!

– Тогда прикажите своим людям удалиться, – ответил Людовик и с гневом добавил: – Или вы желаете, чтобы я сказал им, кто я такой?

Графа словно ударили.

– Как? – воскликнул он. – Вы знаете?

– Да, знаю, несмотря на все ваши старания скрыть это от всех, в том числе и от меня самого... Так что отныне и впредь позвольте мне пользоваться правами, исконно мне принадлежащими.

Граф склонил голову в знак согласия, а монсеньор Людовик, повернувшись к слугам, сказал:

– От имени графа де Бреванна приказываю вам забрать тело шевалье де ла Бара и вернуться в замок! Вы же, – продолжал он, обращаясь к хозяину постоялого двора и его жене, – запритесь в своей комнате и до утра не покидайте ее.

Слуги поспешили исполнить приказ. Когда они удалились, юноша подошел к почти сломленному происшедшим графу, без сил сидящему на стуле, и сказал:

– Господин граф, до сегодняшнего дня я подчинялся вашей воле с поистине сыновней почтительностью, но настало время, когда я должен вернуть свои законные права и занять подобающее мне место среди людей... Этой же ночью я отправляюсь в Париж, в Лувр, к королю!

– Несчастный! – с отчаянием в голосе воскликнул граф. – Вы идете на верную смерть!

– Пусть! – ответил юноша. – Зато народ Франции узнает, что им правит недостойный король, желавший смерти собственного брата.

– Гром и молния! – тихо проговорил потрясенный Фариболь. – Брат короля!

– Да, я брат короля Франции! – ответил монсеньор Людовик, по-прежнему обращаясь к графу. – Но мне необходимо веское, неопровержимое доказательство этого, и оно у вас есть. Дайте мне его, господин граф! Я готов получить его любой ценой, но прошу вас, будьте благо-разумны и отдайте добровольно!

– Никогда! – вскричал граф. – Повторяю вам: никогда! Отдать вам просимое означает для меня нарушить слово дворянина!

– Послушайте, граф. Несколько часов назад с королевской почтой вы получили некое письмо, важность которого легко угадывалась по вашему лицу, когда вы его читали. Отдайте мне это письмо, граф, ведь я предупредил, что все равно получу его.

– Нет! – воскликнул граф, инстинктивно кладя руку на карман камзола.

– Ей-богу! – быстро сообразил Фариболь. – Кажется, оно у него с собой.

– Обыщите его! – приказал монсеньор Людовик.

Пока Мистуфле держал сопротивляющегося графа, Фариболь со знанием дела обшаривал камзол последнего.

– Монсеньор! – взмолился граф. – Подобное бесчестье хуже смерти!

– Нашел! – вдруг крикнул Фариболь и в доказательство своих слов помахал письмом в воздухе.

Дрожащими от волнения руками юноша взял письмо, развернул его и прочел. В глазах его блеснули слезы, и срывающимся голосом он спросил:

– Ужели, граф, вы столь жестокосердны, что могли скрыть от меня столь важное и печальное известие?

– Я действовал согласно своей совести, чести и данной клятве, – гордо ответил граф.

– Тем не менее вы не могли не прислушаться к горячей мольбе, изложенной в этом письме.

Сказав это, юноша вновь прочел письмо, на этот раз вслух:

– «Граф! Прошу вас без промедления явиться ко мне. Вскоре мне суждено предстать перед Тем, Кто равно судит и простых смертных, и сильных мира сего по делам их. Мне страшно. Я желаю увидеться с сыном своим, от коего отреклась когда-то, а теперь буду молить его о прощении. Приезжайте, приезжайте оба! Я умираю! Анна Австрийская».

– Королева-мать! – снимая шляпы, воскликнули Фариболь и Мистуфле.

Воспользовавшись возникшим замешательством, граф одним прыжком оказался рядом с Людовиком, вырвал из рук юноши письмо и бросил его в камин. Оно мгновенно превратилось в пепел.

– Что вы наделали, несчастный? – вскричал монсеньор Людовик.

– Я исполнил свой долг, – спокойно ответил граф. – Я поклялся его величеству королю Людовику Тринадцатому никогда не разглашать эту тайну, поскольку она затрагивает интересы безопасности государства. Ради нее я пожертвовал своей свободой, посвятил ей всю жизнь... И я не признаю за Анной Австрийской права освободить меня от данной клятвы, а следовательно, и вы навсегда останетесь для всех «монсеньором Людовиком».

– Вы заблуждаетесь! – запальчиво воскликнул юноша и, повернувшись к Фариболу и Мистуфле, спросил: – А вы что скажете?

– Сударь, мы присягнули вам на верность, полагая, что присягаем нашему монарху. Сейчас же, зная, что вы не более чем его бесправный брат... мы готовы служить вам до последней капли крови. Ты со мной согласен, Мистуфле?

– Совершенно! Клянусь!

– Тогда свяжите графа и вставьте ему кляп, – распорядился монсеньор Людовик.

Несмотря на отчаянное сопротивление, минуту спустя граф уже лежал на столе с кляпом во рту, надежно связанный по рукам и ногам.

Прежде чем уйти, юноша приблизился к нему и сказал:

– В память о том сочувствии и заботе, с которыми вы относились ко мне все это время, граф, я прощаю ваши заблуждения и дарю вам жизнь. Как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, я всегда буду помнить вас и... мадемуазель де Бреванн... Прощайте, граф! Да хранит вас Бог!

Глава III

Исповедь Анны Австрийской

Часы истории показывали первые дни 1666 года.

В кардинальском дворце, в скудно обставленной, еле освещаемой светом угасающего пламени камина комнате с высоким потолком, в постели под огромным балдахином всеми забытая и предоставленная страшной боли, разрывавшей ей внутренности, медленно умирала королева-мать, Анна Австрийская.

Близилась ночь. Королева была одна. Слуги оставили ее, а дети, столь нежно любимые ею, о ней не вспоминали. Ценой невероятных усилий она приподнялась на ложе и, дотянувшись до колокольчика, несколько раз позвонила. Но никто не явился. Это, казалось, лишило королеву последних сил, и она вновь откинулась на кровати.

Внезапно кто-то негромко окликнул ее. Она открыла глаза и увидела рядом со своим ложем старую женщину, чью спину искривил груз прожитых лет. Это была мадам Гамелен, неслышно вошедшая в комнату умирающей. Мадам Гамелен слыла женщиной бесхитростной и чрезвычайно благочестивой, а кроме того, будучи кормилицей короля Людовика XIV, занимала не последнее место при его дворе. Со страдальческой улыбкой королева приветствовала ее:

– Здравствуй, моя добрая кормилица, спасибо, что явилась на мой зов.

– Я бы с радостью проводила все время рядом с вами, госпожа, но король, мой дорогой сир, почти весь день не отпускает меня от себя.

– Я посылала твоего сына с письмом в тот замок, что в окрестностях Дижона... Скажи мне, он вернулся?

– Еще вчера.

– Он принес ответ? – спросила королева с нетерпением в голосе.

– Нет, госпожа.

– Боже милостивый! – вздохнула умирающая. – Неужели и граф де Бреванн не сжалится надо мной?

Воцарилось недолгое молчание, затем, нервно схватив руки старушки, королева сказала:

– Кормилица, перед смертью я должна исполнить свой священный долг. Этой же ночью мне необходимо увидеть священника, но не моего придворного исповедника, а любого другого из какой-нибудь церкви неподалеку. Пожалуйста, кормилица, приведи мне его!

– Но, госпожа... – пробормотала старушка.

– Молю тебя, не теряй времени. Надави на планку рядом с этой панелью... Вот здесь, у края...

Несмотря на смущение, добрая старушка исполнила просьбу и с изумлением увидела, как панель скользнула в сторону, открывая проход в стене.

– Там потайная лестница! – сказала королева. – Быстрее спускайся по ней, внизу ты найдешь дверь. Вот, возьми от нее ключ... Но, ради бога, не мешкай! Помни, что в твоих руках мой покой!

Без дальнейших возражений мадам Гамелен исчезла в проходе и вскоре, к полной для себя неожиданности, очутилась на улице, не зная, куда именно идти. Тут она заметила мужчину, которого по шпорам на ботфортах и шпаге приняла за дворянина. Приблизившись, старушка боязливо спросила:

– Сударь, прошу извинить меня за беспокойство, но не укажете ли вы мне дорогу к ближайшей церкви?

– Церкви? Гром и молния! Боюсь, что здешние церкви мне незнакомы. Вот если бы мы были в Марселе!..

– Боже мой! – воскликнула старушка. – Что же мне делать?

– Вы, как я вижу, торопитесь... Вне всякого сомнения, вы ищете священника для какого-нибудь больного. Верно?

– Да, сударь, – ответила несчастная, чувствуя, что слезы вот-вот брызнут у нее из глаз. – Боже, королева умирает...

– Что? Королева? – воскликнул незнакомец, подаваясь вперед.

– Да, сударь. Королева-мать при смерти. Поймите же всю серьезность моего поручения и помогите мне!

– Воистину, добрая женщина, само Небо послало вам меня, не будь я Фариболь! – ответил наш старый знакомый, поскольку это был он. – Я отведу вас в дом одного моего друга, а уж он подберет Анне Австрийской такого исповедника, о каком она и мечтать не смела! Пойдемте же, сударыня, это совсем рядом!

За ночь до описанной нами встречи монсеньор Людовик, уступив настоятельным просьбам своих преданных слуг, остановился в гостинице «Золотой лев», в двух шагах от кардинальского дворца. Он собирался незамедлительно явиться во дворец, что, конечно же, привело бы к неминуемому аресту, а значит – к тюрьме. По счастью, благоразумному Мистуфле и храброму Фариболью удалось отговорить его от подобного безумства. Фариболь же со свойственной ему уверенностью пообещал монсеньору Людовику, что не пройдет и суток, как он изыщет совершенно безопасный способ попасть в спальню королевы-матери.

Юноша пообещал набраться терпения до наступления следующей ночи, однако нервное напряжение не оставляло его, и он не мог оторвать взгляда от окон кардинальского дворца.

Вдруг раздался стук в дверь его комнаты, и на пороге с сияющим от радости лицом появился Фариболь.

– Не угодно ли монсеньору, – сказал он, снимая шляпу, – принять кормилицу его величества короля Людовика Четырнадцатого?

– Кормилицу моего?..

– Да, монсеньор, – поспешно перебил его Фариболь, пропуская вперед мадам Гамелен.

– О монсеньор! – воскликнула старушка, входя в комнату. – Этот добрый человек обещал мне...

Но, внезапно оборвав свою речь, она с возгласом изумления сделал шаг назад. Дело в том, что в этот самый момент Фариболь зажег свечу, и ее свет озарил лицо юноши.

– Боже мой! – воскликнула мадам Гамелен. – Вы... здесь, мой дорогой сир? Возможно ли это?

– Что ж... я... – сбивчиво заговорил юноша.

Но тут у кормилицы короля зародилось некое подозрение, она пристально посмотрела на монсеньора Людовика, как бы ища в его лице одной ей ведомые отличия от королевского облика. Затем, воздев руки к небесам, она в ужасе вскричала:

– Нет! Как я могла ошибиться!.. Вы не король! Все ясно, меня заманили в ловушку!.. – И, обернувшись к двери, она закричала изо всех сил: – На помощь! На помощь!

Фариболь бросился к ней и зажал ей рот рукой. Он был готов задушить ее, но в этом не было необходимости, поскольку бедная старушка от испуга потеряла сознание. Фариболь уложил ее на кровать, ослабив шнур корсажа. Монсеньор Людовик, молча наблюдавший за происходящим, положил руку ему на плечо и спросил:

– Что все это значит?

Фариболь в двух словах объяснил юноше происшедшее и добавил:

– Кроме того, я послал Мистуфле раздобыть подходящую одежду....

– А вот и она! – завершил фразу Мистуфле, входя в комнату. В руках он держал сутану и шляпу священника.

– Мистуфле предстоит сыграть роль исповедника, – пояснил Фариболь. – Я же переоденусь в платье этой старушки и...

– Но к чему весь задуманный тобой маскарад? – спросил монсеньор Людовик.

– Чтобы проникнуть во дворец. Всем, кто попытается остановить нас, я стану отвечать, что я – мадам Гамелен, сопровождаю исповедника, которого ее величество королева Анна Австрийская призвала к своему ложу. Это если нам не удастся подняться по потайной лестнице, ведущей прямо в спальню королевы-матери.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть ключ?

– Он в кармане юбки этой старушечки.

– Что ж, поступим, как ты предлагаешь, Фариболь. Хотя это поистине ужасно – переодеться, подобно вору, чтобы увидеть собственную мать!

Минуту спустя они, как тени, прокрались к потайной двери. Фариболь на ощупь отпер ее и тут же закрыл, как только они оказались внутри. Но затем он внезапно остановился, хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Тысяча чертей! Я забыл связать кормилицу и даже не запер ее! Теперь уже поздно, но не следует забывать, что она может сыграть с нами злую шутку.

Взволнованный монсеньор Людовик достиг наконец комнаты своей матери и уже слышал ее тяжелое, близкое к агонии дыхание. Она также услышала его шаги и слабым голосом спросила:

– Это ты, кормилица?

– Нет, мадам, – негромко ответил монсеньор Людовик.

В почти полной темноте, царившей в комнате, больной все же удалось разглядеть силуэт священника; она с облегчением вздохнула и сказала:

– Пожалуйста, подойдите ближе!

Медленно, с опущенной головой и скрещенными на груди руками юноша приблизился и встал на колени у ложа.

– Святой отец, – начала королева, тронутая его почтительностью, – я уже исповедалась в грехах и уповаю лишь на бесконечное милосердие Господа нашего... Так что я жду от вас не столько отпущения, сколько помощи. Выслушайте просьбу умирающей и помогите ей исправить самую большую ошибку ее жизни... Святой отец, – продолжала больная, стараясь говорить как можно убедительнее, – ваших ушей наверняка достигали слухи о том, что, прежде чем выйти замуж за Людовика Тринадцатого, я вступила в тайный брак с одним человеком... Так вот, это правда. Но никому не известно, что от этого брака у меня есть сын...

– Ах, мадам! – вздохнул мнимый священник.

– О святой отец! Вы упрекаете меня в том, что даже муж мой, король Людовик, хранил в тайне всю свою жизнь! Но что это в сравнении с другим грехом, который я совершила, пожертвовав всем ради другого сына, лицемерно прикрываясь пресловутыми интересами государства?... Да, через несколько месяцев у меня родился второй сын, на этот раз действительно от Людовика Тринадцатого... То, что случилось затем, ужасно, но разум изменил мне, и я не ведала, что творила... Я подкупила астролога, и он предсказал королю рождение двух сыновей-близнецов. Когда второй сын появился на свет, верная мне служанка положила в его кроватку моего первенца. И все поверили, что оба они – сыновья Людовика Тринадцатого!

Монсеньор Людовик слушал королеву, спрятав лицо в ладонях. Она же, не ведая, что значат ее слова для этого молчаливого человека, продолжала:

– Его величество Людовик Тринадцатый, узнав о рождении близнецов, впал в состояние, близкое к безумию. Он тут же объявил, что у Франции может быть лишь один наследник престола, а в противном случае якобы неисчислимые беды грозят стране, да и самим братьям,

поскольку судьба неизбежно сделает их врагами. В моей опочивальне были лишь герцог Бургундский и кормилица, которым король, указывая на одного из мальчиков в колыбели, сказал: «Повелеваю сокрыть от всех рождение второго наследника. Вы отвечаете за это своей жизнью!» Я же, мучаясь от боли, не посмела вмешаться и открыть мою тайну, так как это признание могло непредсказуемо повлиять на судьбу одного из моих сыновей... И той же ночью, пока я спала, приказ короля был исполнен! Проснувшись, я увидела лишь одного сына, того самого, что был рожден от моей роковой связи, а значит, и не имел никаких прав на трон!

По мере того как рассказ королевы близился к концу, монсеньор Людовик поднимал от ладоней сильно побледневшее лицо. Когда же Анна Австрийская закончила, он срывающимся голосом спросил:

– Так, значит, тот, кто правит Францией... тот, кто сидит на троне наших предков...

– Не является законным наследником короны... Клянусь! – ответила королева-мать, и тон ее не оставлял сомнений.

– А другой?.. Тот, второй, сын Людовика Тринадцатого?..

– Вот о нем-то я и хотела с вами поговорить. Как только я умру, святой отец, отправляйтесь в замок графа де Бреванна. Там с самого раннего детства, в уединении, не зная ласки и своих августейших корней, под ничего не значащим именем «монсеньор Людовик» живет подлинный сын Людовика Тринадцатого.

Юноше пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

– Под моей подушкой вы найдете ключ, – продолжала королева. – Откройте им сундук, что стоит в углу этой комнаты. Там вы увидите шкатулочку, а в ней – свидетельство о рождении и все прочие документы моего сына... Передайте их ему, святой отец...

Юноша машинально повиновался и взял ключ.

– Я хочу исправить зло, причиненное мною моему сыну, – продолжала Анна Австрийская, – хочу, чтобы он узнал, кто его мать, и... и простил меня. Вы ведь скажете ему, как я страдала, правда, святой отец? Боже, как я хотела сжать его в своих объятиях хотя бы на мгновение и получить прощение вместе с сыновним поцелуем!..

– Матушка! – сквозь рыдания воскликнул юноша, будучи не в силах больше сдерживать себя. – Матушка! Я прощаю вас! Я люблю вас!

И, отодвинув шкатулку со всеми доказательствами своих прав, он бросился в объятия умирающей. Она же, приподнявшись на ложе, зажала между ладонями лицо своего сына, покрыла его горячими поцелуями и бормотала как в бреду:

– Ты! Это ты, мой сын? Дорогое мое дитя!

– О матушка! Позвольте запомнить черты вашего милого лица! – Сказав это, юноша встал, сорвал с себя сутану и, взяв факел, зажег его от пламени камина.

Королева закрыла лицо руками и зарыдала.

– Сын! Сын мой! Я не осмеливаюсь молить тебя о прощении...

– Не говорите так, моя дорогая матушка! Ваши страдания искупили вашу ошибку... Так давайте думать лишь о радостях, ждущих нас впереди!

– Впереди! – еле слышно повторила умирающая.

И словно в ответ на это полное обещаний и надежд слово в коридорах дворца раздался громкий, привыкший повелевать голос:

– Запереть все двери и никого живым не выпускать!

Фариболь и Мистуфле, молча переживавшие развернувшуюся перед их глазами драму, отреагировали первыми.

– Гром и молния! – сказал Фариболь. – Дело принимает дурной оборот! Старая кормилица предала нас. Шпаги вон, Мистуфле!

Изменившись в лице, Анна Австрийская изо всех сил прижимала к груди сына, как бы пытаясь защитить его от всех опасностей.

– Кто это, матушка? – спросил юноша, видя ее испуг.

– Другой! – глухим голосом ответила больная. – Другой сын!

И действительно, стоило ей произнести эти слова, как дверь распахнулась, и в комнату, величаво и грозно ступая, вошел король Людовик XIV.

Глава IV

Братья

Монсеньор Людовик высвободился из объятий матери и гордо взглянул на вошедшего. На какое-то мгновение взгляды их скрестились, как клинки шпаг. На лице короля, помимо гнева, был написан также и некоторый испуг – ведь лицо представшего перед ним незнакомца походило на его собственное, подобно отражению в зеркале.

– Что ж, – проговорил он сквозь зубы, – кормилица меня не обманула!

Наконец он сумел побороть странное оцепенение, вызванное видом своего двойника, и, обернувшись к дворянину, вошедшему вслед за ним с обнаженной шпагой в руке, сказал:

– Маркиз де Лува, закройте дверь.

Из соседних комнат доносились звуки шагов и голоса королевской свиты. Увидев, что его распоряжение исполнено, король обратил на Анну Австрийскую суровый взгляд и сухо спросил:

– Сударыня, не откажите в любезности объяснить мне, чем вызвано присутствие этого незнакомца в вашей опочивальне?

– Я нахожусь здесь по праву! – ответил монсеньор Людовик, выступая вперед.

– Сударыня! – с нарастающим гневом повторил король. – Как король Франции и как ваш сын я требую ответа! Кто этот человек?

– Я, – гордо подняв голову, ответил юноша, – сын Людовика Тринадцатого.

– Вы!.. Вы!.. – вскричал король, отступая к двери, словно он увидел привидение.

– Да, и я нахожусь рядом со своей матерью по праву сына и законного короля.

В порыве слепого гнева король выхватил шпагу, и мгновение спустя братья, одержимые яростью и жадной убийства, бросились друг на друга. Маркиз де Лува поспешил на помощь своему августейшему господину, но налетел на длинную и тощую фигуру, облаченную в ворох кое-как застегнутых, комично коротких юбок; фигуру венчала голова с лохматой шевелюрой и огромными усами. Маркиз так и застыл в изумлении, и только звон шпаги незнакомца, скрестившейся с его собственной, вернул его к действительности. Ему так и не удалось осуществить задуманное, поскольку одетая в юбки фигура, в которой читатель, конечно же, сразу узнал Фариболя, быстрым ударом выбила у него из рук шпагу.

Между тем братья фехтовали с равной ловкостью и упорством. Тем не менее исход поединка нетрудно было предугадать: тогда как Людовик XIV яростно атаковал, почти не заботясь об обороне, монсеньор Людовик хладнокровно и уверенно отбивал удары, явно дожидаясь момента, чтобы сделать один-единственный решающий выпад, когда противник устанет и окажется полностью в его власти.

Король, понимая, что он погиб, если не сумеет воспользоваться преимуществами молниеносной атаки, низко пригнувшись, снова бросился вперед, но споткнулся и, издав крик отчаяния, растянулся на полу. Одним прыжком монсеньор Людовик оказался рядом и уже занес над головой врага свою шпагу, когда тонкая слабая рука коснулась его запястья и тихий, слабый голос произнес:

– Сын мой! Остановись, ведь это же братоубийство!

Смутившись, монсеньор Людовик обернулся как раз вовремя, чтобы подхватить умирающую мать. Бедной королеве ценой сверхъестественного усилия удалось подняться с ложа и помешать убийству. Теперь, поддерживаемая одним сыном, она протягивала руки ко второму, которого также никогда не переставала любить и который медленно вставал с гневом в глазах и мстостью в сердце.

– Дети мои, – обратилась к братьям Анна Австрийская, – Богу было угодно наказать меня на смертном одре, сделав свидетельницей смертельной схватки своих сыновей... Ты, Людовик, мой сын, ставший королем, прислушайся к словам своей умирающей матери и поверь им. Тот, кому суждено вот-вот предстать перед Создателем, не лжет. Так вот, я клянусь тебе, что единственным законным наследником французского трона был и остается мой второй сын, до сегодняшнего дня носивший имя монсеньора Людовика и живший в неизвестности, оставленный всеми, даже мной! Клянусь, что только он имеет право занимать престол моего мужа, его величества Людовика Тринадцатого.

– И где же доказательства, сударыня? – немного помолчав, осведомился король.

– Они в этой шкатулке... на полу... вон там, у ног маркиза де Лувуа...

Король бросил быстрый взгляд на шкатулку, затем его глаза встретились с глазами маркиза, и они поняли друг друга без слов.

– В таком случае, дорогая матушка, – с притворной покорностью сказал Людовик XIV, – я отступаю перед величием вашей клятвы и...

– О Людовик, сын мой! – воскликнула королева, возвращенная к жизни его словами. – Принося подобную жертву, ты проявляешь величие, благородство и щедрость. Ты понимаешь, что уязвленное самолюбие не должно мешать исполнению долга... Я верю в нерушимость твоего слова, Людовик. Клянешься ли ты исполнить свой долг до конца?

– Клянусь, что поступлю по велению моей совести!

– Что же, сын мой, – обратилась королева к монсеньору Людовику, – ты, еще вчера бывший никем, познаешь завтра величие власти. Но молю тебя: люби, береги и защищай того, кто сошел с трона, дабы ты взошел на него... Он ведь тоже мой сын!

Монсеньор Людовик запечатлел на лбу матери долгий сыновний поцелуй и, повернувшись к брату, сказал:

– Трон Франции достаточно велик для нас обоих. Брат мой, я предлагаю тебе половину королевства!

– Господь, благодарю Тебя! – промолвила Анна Австрийская. – Если между моими сыновьями воцарился мир, значит... я... прощена...

С этими словами королева уронила голову на плечо своего только что обретенного сына, и ее душа отлетела.

– Матушка! – вскричал монсеньор Людовик. – Она скончалась!.. Скончалась!

Растроганные Фариболь и Мистуфле преклонили колени. Король быстро подошел к маркизу де Лувуа и шепнул:

– Маркиз, королева мертва. Этим надо воспользоваться... Берите шкатулку и следуйте за мной.

Минуту спустя они уже покинули комнату и, видя, что убитый горем монсеньор Людовик не замечает ничего вокруг, заперли за собой дверь. Щелкнул ключ в замке, что привлекло внимание Фариволя. Но было уже поздно. За дверью раздался голос Людовика XIV:

– Господа, королева скончалась. Оставайтесь здесь на страже и никого не выпускайте из этой комнаты до моего возвращения!

– Гром и молния! – пробормотал Фариболь. – Похоже, он забыл, что уже не король, по крайней мере наполовину! О черт! – внезапно вскричал он. – Она исчезла!

– О чем вы, хозяин? – осведомился Мистуфле.

– Мы пропали! Этот нечестивый обманщик унес шкатулку!

– О боже!

– Гром и молния! Как же я не догадался подобрать ее!

Затем, приняв решение, он приблизился к монсеньору Людовику, молившемуся у тела матери, и, дотронувшись до его плеча, сказал:

– Монсеньор, самое время бежать! Ваш брат забрал шкатулку с документами и приказал охранять дверь. Дай бог, если нам удастся ускользнуть по потайной лестнице, если же нет – нам конец!

– Вы заблуждаетесь! – ответил монсеньор Людовик. – Мой брат не способен на предательство.

Сказав это, он вернулся к молитве.

Дверь отворилась, и на пороге возник сержант королевских мушкетеров с наипочтительнейшим выражением лица:

– Его величество желает побеседовать с монсеньором Людовиком.

– Хм! Что-то не нравится мне физиономия этого бездельника, – пробурчал Фариболь.

Монсеньор Людовик встал осторожно, словно боясь разбудить мать, закрыл ей глаза, крестообразно сложил руки, поцеловал в лоб и, взяв маленький нательный крестик покойной, повернулся к мушкетеру со словами:

– Я иду, сударь.

Фариболь и Мистуфле хотели было последовать за ним, но мушкетер остановил их:

– Монсеньор пойдет один.

– Подождите меня здесь, – сказал юноша, желая успокоить их, – я скоро вернусь.

Но как только за ними закрылась дверь, Фариболь и Мистуфле услышали шум борьбы, сдавленные крики и звук падения тела, а затем возглас монсеньора Людовика:

– Предатели! Гнусные предатели!

Потом так же внезапно крики и шум смолкли.

– Гром и молния! – вскричал возмущенный Фариболь. – Бедняга угодил в подлую ловушку! Высади эту дверь, Мистуфле! Нет, бесполезно... Мы тоже окажемся у них в руках. Будем сооружать баррикаду!

Приятель дружно взялись за дело, и вскоре дверь была завалена мебелью.

– Хозяин! – воскликнул Мистуфле. – Я слышу шаги. Они идут! Боже, защити нас!

– Пусть идут! У тебя остался ключ от потайной двери?

– Да, хозяин.

– Отлично. Теперь скажи мне, как высоко от земли это окно?

– Метров пять, хозяин!

– Сможешь спрыгнуть?

– Да... Но там внизу стоят два мушкетера.

– Тем лучше! Прыгай прямо на них, заодно и врагов поубавится!

– А как же вы?

– Я спущусь по потайной лестнице, а ты откроешь мне дверь, когда...

Мощный удар в дверь потряс баррикаду и помешал Фариболу закончить свою мысль. Слуги короля перешли в наступление.

– Проклятие! Живее, Мистуфле! Прыгай и поработай кинжалом, а я попробую задержать этих голодных псов, хотя и не думаю, что протяну больше десяти минут!

С этими словами Фариболь бросился к баррикаде и, просовывая клинок шпаги в образовавшиеся щели, нанес два удара, ответом на каждый из которых был крик боли.

– Есть! – вскричал ловкий фехтовальщик. – Двое готовы!

Он снова пустил свое оружие в ход и снова услышал стук упавшего тела.

– Трое! – хладнокровно констатировал он.

Разъяренные столь успешной обороной, мушкетеры все разом навалились на ветхую дверь, выломали ее и, словно спущенные с цепи дикие звери, ворвались в комнату королевы-матери. Дружный крик ужаса вырвался у них, когда в неверном свете факела на кровати под высоким балдахином они увидели труп Анны Австрийской. Сняв шляпы, мушкетеры почтительно отступили.

– Черт возьми! – вдруг шепотом выругался один из них. – А где бандит, осмелившийся сюда проникнуть и убивший трех наших людей?

Этот вопрос невольно напомнил всем о цели их прихода.

– Должно быть, он выпрыгнул в окно, – предположил другой, подошел к окну, перевернулся через подоконник и тут же с криком отскочил назад: – Там внизу еще двое наших! Они убиты!

– А бандит?

– Его нигде не видно.

– Разрази его гром! Мы не можем дать ему уйти! Все к главному входу! В погоню!

Послушные сему мудрому приказу, мушкетеры поспешили покинуть опочивальню покойной королевы-матери.

А между тем Фариболь, сочтя излишне опасным продолжать оборону баррикады, проскользнул на потайную лестницу, задвинул за собой панель и спустился вниз. Он уже протянул руку, чтобы толкнуть дверцу, когда услышал тихий голос Мистуфле:

– Хозяин! Хозяин!

– Я здесь, – ответил Фариболь.

– Все прошло хорошо... Эти двое у двери... уже не обнажат шпаг.

Друзья замолчали, прислушиваясь к доносившимся из опочивальни голосам. Когда же таким образом они оказались посвящены в планы противника, Фариболь сказал:

– Отлично. Теперь мы можем не беспокоиться!

– Но, хозяин... – только и сумел вымолвить пораженный Мистуфле.

– Ты возразил или мне показалось?

– Я? – ответил Мистуфле. – Нет, хозяин, что вы! Куда вы – туда и я!

Глава V

Отважный юноша

Друзья уже собирались свернуть за угол дворца, когда столкнулись лицом к лицу с мушкетерами, спешившими со шпагами в руках к месту гибели двух своих товарищей. Увидев двух мужчин, идущих в противоположном направлении, они остановились и преградили им путь.

– Кто вы такие? – грубо осведомился один из солдат.

Фариболь, завернувшись в плащ до самых глаз, толкнул локтем Мистуфле, приказывая ответить. Тот, изрядно струхнув, все же сообразил, как следует вести себя, и, почтительно повернувшись к своему приятелю, спросил:

– Монсеньор позволит мне ответить этим господам?

– О! – склоняясь в поклоне, воскликнул мушкетер. Подобное обращение слуги к господину явно произвело на него должное впечатление. – Вы простите мне мою нескромность, монсеньор, узнав, что мы преследуем одного бандита...

– Одного? – тут же подхватил Мистуфле. – Но нас, как вы могли бы заметить, двое!

– Ваша правда, этот бездельник совсем нас запутал. Представьте себе, монсеньор, он имел наглость проникнуть в опочивальню королевы-матери, да еще и убил пятерых наших товарищей! Нижайше просим прощения у вашей светлости за причиненное беспокойство...

Фариболь довольно-таки высокомерным кивком удостоил мушкетеров согласия простить их и гордо проследовал дальше мимо склонившихся в почтительном поклоне мушкетеров.

– Кто твой хозяин? – все-таки спросил один из них Мистуфле.

– Монсеньор граф де Лозан, полковник драгунов его величества, – торжественно ответил хитрец, поднося палец к губам. – Но это тайна! Он пользуется сейчас особым расположением короля...

Услышав такой ответ, бедный мушкетер, исполненный смущения, поспешил к своим товарищам, дабы порадоваться вместе с ними, что судьбе было угодно вовремя остановить их и они не зашли слишком далеко, преградив путь столь важной придворной птице.

Сопровождаемый верным Мистуфле, Фариболь беспрепятственно прошел всю улицу и быстро свернул в темный переулок, ведущий к дворцу. Там он осмотрелся, убедился, что за ними никто не следит, и в изнеможении прислонился к стене.

– Вот видишь, – сказал он, – благодаря нашей проделке мы не только избавились от преследователей, но и получили право безнаказанно находиться поблизости от дворца. Теперь будем наблюдать за всеми, кто входит и выходит... Друг Мистуфле, ты помнишь нашу клятву?

– Да, хозяин.

– Готов ли ты следовать ей?

– Более чем когда-либо.

– Тогда для нас все ясно! Мы должны рискнуть жизнью ради спасения монсеньора Людовика!

– Именно так!

– Хорошо, нам осталось лишь придумать, как сделать это наилучшим образом.

– Господа! – внезапно раздался рядом чей-то голос. – Вы позволите помочь вам?

Фариболь и Мистуфле отскочили в сторону и не сговариваясь одновременно обнажили шпаги. Перед ними стоял юноша, почти мальчик, невысокого роста, хрупкого телосложения и с детским лицом, обрамленным черными вьющимися волосами. В его огромных черных глазах плясали бесята. До сих пор он прятался за колонной, слыша весь разговор двух друзей.

– Тысяча чертей, сударь! – вскричал Фариболь. – Похоже, вы слишком любопытны, но я намерен излечить вас от этой напасти! Защищайтесь, сударь!

– И не подумаю! – ответил юноша нежным, почти женским голосом, в котором, однако, чувствовалась твердость. – Это совершенно ни к чему, ведь я же сказал, что я ваш друг.

– Друг? Да я вас впервые вижу! Неслыханная наглость! Защищайтесь же!

Юноша едва успел отпрыгнуть в сторону: острие шпаги Фариболь мелькнуло в дюйме от его плеча.

– Глупец! – воскликнул он, выхватывая шпагу и вставая в позицию. – Не забудьте, что вы сами этого хотели!

С первых же выпадов юноши Фариболь понял, что перед ним далеко не новичок в фехтовании. Пораженный подобным открытием, он приготовился нанести свой излюбленный укол профессионального бретера, перед которым до сих пор еще никому не удавалось устоять. Убедившись, что подходящий момент настал, Фариболь сделал молниеносный прямой выпад... и потерял шпагу: сильным ударом снизу юноша выбил ее, и она отлетела далеко в сторону. И прежде чем Фариболь успел опомниться, а Мистуфле догадался вмешаться, победитель одним прыжком оказался рядом с ней, поднял ее и вместе со своей протянул противнику.

– Возьмите обе шпаги, – сухо сказал он. – Доказав вам, что я неплохо умею защищаться, я также намерен доказать, что не умею лгать. Если мои слова не убедят вас и вы сочтете меня способным предать друзей монсеньора Людовика, я позволю вам убить меня.

– Тысяча чертей! – воскликнул Фариболь, тронутый таким доверием. – В отваге вам не откажешь! Вашу руку, сударь!

И он протянул юноше руку, которую тот с улыбкой пожал. Затем, немного помолчав, незнакомец начал свой рассказ, и в голосе его звучала неподдельная печаль:

– Дело в том, что монсеньор Людовик мой друг... почти брат...

Далее он поведал двум драчунам то, что и так было им слишком хорошо известно: похищение мадемуазель де Бреванн, ловушка, в которую Ньяфон завлек монсеньора Людовика, его исчезновение и горе его друзей. Он также добавил, что через час после отъезда монсеньора Людовика из замка они с графом Бреванном отбыли в Париж. Граф пошел во дворец, а он ждет его на улице. Однако, заметил юноша, надежды на благополучный исход визита графа к королю почти не осталось: если он до сих пор не вышел из дворца, значит, его задержали силой.

– Скрываясь здесь, за колонной, – продолжал юноша, – я слышал ваш разговор и понял из него, что монсеньору Людовику грозит серьезная опасность, а вы готовы защищать его, не щадя собственной жизни... Я разделяю ваше благородное стремление и хотел бы действовать с вами заодно. Теперь вы мне верите?

Приятель дружно признали, что юноша не только отважен, но и благороден. Они рассказали ему о себе, о своем участии в похищении мадемуазель де Бреванн, о раскаянии и желании исправить причиненное зло, а также о том, что монсеньор Людовик простил их и они поклялись служить ему верой и правдой.

Юноша сказал, что не держит на них зла, и приятели поведали ему о событиях той ночи.

Незнакомец выслушал их с живейшим интересом, а когда они закончили, воскликнул:

– Мы поклялись спасти моего... брата! Но как?

– Прежде всего следует уйти отсюда, дабы не возбуждать подозрений. Разумнее всего дожидаться дальнейшего развития событий и уж тогда решать, – ответил Фариболь. – Здесь неподалеку есть таверна, хозяин которой никогда не отказывает в пристанище хорошим людям... Мы остановимся там и из окна сможем спокойно наблюдать за дворцом.

Таверна «Ландскнехт» была полна орущих, поющих, пьющих и что-то громко обсуждающих завсегдатаев. Фариболь решительно направился прямо к хозяину заведения и шепнул ему несколько слов.

– Хорошо, господин Фариболь, – ответил тот. – Поднимайтесь со своими друзьями наверх. Там вам никто не помешает.

Все трое поднялись по узкой винтовой лестнице в небольшую комнатку, всю обстановку которой составляли стол и несколько табуретов. Фариболь указал своему новому знакомому на окно и сказал:

– Отсюда виден весь дворец.

Подойдя к окну, юноша открыл его, а Мистуфле, воспользовавшись случаем, потянул своего приятеля за плащ и шепнул:

– Хозяин, вы хорошо разглядели этого... юнца?

– Еще бы! Славный юноша!

– Ха! Тогда уж... славная девушка!

– Ты в своем уме? – возмутился Фариболь, содрогнувшись при мысли, что его обезоружила женская рука.

Тут загадочный незнакомец, которого они оживленно обсуждали, подошел к ним, сел за стол и, как бы в задумчивости, закрыл лицо ладонями. Фариболь пристально за ним наблюдал. Затем сел напротив него и резко произнес:

– Почему вы солгали?

– Я? – спросил юноша, на щеках которого зардел предательский румянец. – В чем же?

– Тысяча чертей! Я опозорен!

– Но почему?

– Да потому, что я имел глупость скрестить шпагу с женщиной! Так ведь, мадемуазель?

– Что ж! Больше нет смысла притворяться... Меня зовут Ивонна. Я молочная сестра монсеньора Людовика...

– Гром и молния!

– Господи Иисусе!

– Надеюсь, вы не истолкуете превратно причину моего поведения и маскарада... – сказала отважная девушка. – Я решила пойти на все, чтобы спасти того, кого люблю... как брата, но я была одна, без помощи и надежды, когда Провидение послало мне вас. И нас ничто не остановит, если мы все втроем будем добиваться одной и той же цели! Я верю в вашу верность и храбрость... Но... вы не прогоните меня теперь, когда узнали, кто я на самом деле?

– Прогнать вас? – вскричал Фариболь, с чувством пожимая ей руку. – Тысяча чертей, сударыня... то есть, я хотел сказать, мадемуазель! Вы для нас неоценимый товарищ!

– Вы славная и храбрая девушка, – подхватил Мистуфле, целуя ей руку. – Однако дело это непростое и рискованное, я боюсь...

– За меня нечего бояться, – перебила его Ивонна. – Меня с детства воспитывали как мужчину. Я езжу верхом не хуже мушкетера, уроки фехтования мне давал шевалье де ла Бар, и я оказалась довольно способной ученицей... как вы могли заметить.

Внезапно снизу до них донеслись громкие голоса и приветственные крики, а винтовая лестница закричала под тяжестью чьих-то шагов. Вскоре на пороге их комнаты стоял высокий, крепко сбитый мужчина с красным лицом, украшенным большими усами, и холодным неприветливым взглядом. Увидев его, Фариболь удивленно вскричал:

– Черт возьми! Да ведь это Росарж!

– Капитан Фариболь! – ответил Росарж, пожимая руки своим приятелям. – Наконец-то я вас нашел.

Затем он придвинул табурет, сел за стол и продолжил:

– Боюсь даже спрашивать, как вам удалось выпутаться из последнего приключения! Вижу только, что вы целы и невредимы.

– Не только! Теперь у нас есть новый товарищ, который хочет нам помочь.

Росарж перевел взгляд на Ивонну, не отрывавшую глаз от окна.

– Вот это да! – воскликнул он. – Не думаю, чтобы от него было много прока. Ну и сопляк.

– Не советовал бы я тебе скрестить шпагу с этим сопляком.

– А себе?

– Я уже пробовал...

– Что за черт! – вскричал Росарж. – Ну-ка подойди, я хочу рассмотреть тебя поближе.

– Я не могу отойти от окна, – ответила Ивонна.

– Гром и молния! – сказал Фариболь. – Это верно. Мы должны следить за дворцом.

– Ну и ну! – покачал головой Росарж. – Вы, друзья, не теряете время даром: едва закончили одно предприятие и тут же впутываетесь в новое!

– И приглашаем тебя в нем поучаствовать.

– Ну уж нет, капитан, на этот раз предпочту воздержаться! – ответил Росарж. – Каким бы благим делом вы ни собирались заняться, мое предложение лучше. Каждый из нас сможет заработать целое состояние!

И в подтверждение своих слов он бросил на стол кошелек, туго набитый золотыми монетами, а затем, заявив о своем желании отпраздновать встречу, отправился на поиски трактирщика и кувшина вина.

– Вы уверены в этом человеке?

– Как в себе самом. Он один из наших лучших друзей. Верно, Мистуфле?

– Да, хозяин. А судя по этому кошельку, дела его идут неплохо.

– Вот поэтому и следует быть осторожными, – заметила Ивонна. – Прежде чем открыть ему нашу тайну, выслушаем, что он хочет нам предложить.

Увидев в дверях Росаржа и трактирщика с целой охапкой бутылок, девушка вернулась к наблюдению за дворцом.

– Поставь их на стол, – грубо распорядился Росарж. – Бери деньги и убирайся!

Трактирщик молча повиновался. Росарж разлил вино по стаканам и жестом пригласил всех присутствующих принять участие в застолье.

– Выпьем и поговорим, – сказал Фариболь. – Друг мой, мы поклялись душой и телом защищать одного молодого дворянина... очень знатного... скажем прямо, принца...

– Ну я же говорил, что ваше дело в сравнении с моим – сущая чепуха! Вы хотите защищать какого-то там принца, а я предлагаю вам послужить королю и, заметим себе, не просто королю, а его величеству Людовику Четырнадцатому.

– Людовику Четырнадцатому? – вскричал пораженный Фариболь.

– Ба! – воскликнул Мистуфле и, чтобы хоть как-то выразить свое презрение, поставил локти на стол. Ивонна инстинктивно подошла поближе к Росаржу.

– Черт возьми, друзья! – сказал последний. – Вы, похоже, удивлены, не так ли?

– Тысяча чертей! – пробормотал Фариболь. – Так, значит, ты...

– Мне опротивело носить штопаные чулки и драные башмаки... Мне надоело служить знатым господам, которые к своей искренней благодарности прибавляют разве что кусок черствого хлеба. Мне наконец осточертело быть таким честным бродягой! Теперь я офицер на службе короля!

– О... офи... офицер?! – еле вымолвил изумленный Фариболь.

– Мой бог! – как можно мягче сказал Мистуфле. – Ты являешь собой прекрасный образец служения долгу... Но позволь узнать, когда и как тебя угораздило... то есть, я хотел сказать, тебе так повезло, мой дорогой Росарж?

– Этой ночью, – смеясь, ответил он.

– Этой ночью? – переспросил Фариболь, насторожившись.

– Именно. Помните ту ночь, когда я оставил вас на дижонской дороге? Так вот, я поскакал прямо в Париж, чтобы передать господину де Сен-Мару девицу, которую мы похитили. Этот благородный человек, как выяснилось, организовал похищение по приказу других знатных господ. Он был так доволен своей судьбой, что предложил мне свое покровительство, а я, не будучи дураком, поспешил его принять. Меньше чем через час он вызвал меня во дворец, где

командовал королевскими мушкетерами, охранявшими покой его величества. Оказывается, его назначили губернатором крепости Пиньероль, и он тут же предложил мне звание майора местного гарнизона. В этой крепости будет содержаться одно очень высокопоставленное лицо, вставшее в немилость при дворе. Я же должен... как бы помягче выразиться, присматривать за ним.

Росарж и не догадывался, какой отклик находило каждое его слово в душах трех слушателей, когда Фариболь, возмущенный поведением человека, которого он привык считать своим другом, и разочарованный в своих ожиданиях, воскликнул:

– Гром и молния! Но ведь это же обязанности тюремщика!

– Я бы сказал, ангела-хранителя, – рассмеялся в ответ Росарж, – ведь мне следует быть всегда рядом с ним, защищая от возможных оскорблений, а в крепостях и тюрьмах они встречаются на каждом шагу... Кроме того, в мою задачу входит постоянно напоминать ему, пока он окончательно в это не поверит, что при малейшей попытке к бегству ему грозит неминуемая смерть.

– Должно быть, это очень важная птица?

– Еще какая! Никто не знает, кто он на самом деле, но король о нем беспокоится, даже приказал казнить всякого, кто увидит его лицо, пусть даже случайно. Стоит добавить, что этого таинственного человека водят по дворцу не иначе как в маске.

После последних слов Росаржа рассеялись последние сомнения. Сам характер кары – медленная смерть в стенах тюрьмы – и то, что лицо «преступника» тщательно скрывали, могло означать лишь одно: речь шла о монсеньоре Людовике.

– Проклятие! – в слепом гневном воскликнул Фариболь. – И ты принял это место палача?

– Послушай-ка, друг Фариболь, – вмешалась Ивонна, стараясь говорить совершенно спокойно, – мне кажется, что наш дорогой Росарж поступил совершенно правильно. Он теперь состоятельный человек, на государственной службе, а от этого и я бы не отказался.

– И я, – благодушно поддакнул Мистуфле.

На какой-то миг взгляды Ивонны и Фариболья встретились, и он, поняв, чего добивается девушка, прикусил губу.

– И в самом деле! – выдавил Фариболь, изо всех сил пытаясь справиться с собой. – Я так говорил из зависти, вполне, впрочем, понятной... ты не сердись на меня, друг Росарж?

– Сержусь? Ничуть не бывало! Ведь, узнав, что вы здесь, я сразу же поднялся к вам, чтобы пригласить разделить мою удачу.

– Да разве это возможно?

– А почему нет? Этой же ночью, меньше чем через час, мы все отправимся в путь в замок Пиньероль, куда и повезем нашего заключенного. Господин де Сен-Мар поручил мне подыскать для сопровождения кареты трех отчаянных приятелей, чьи шпаги в любой момент готовы вылететь из ножен и которые готовы скрестить их с самим Сатаной! Вот я сразу и примчался к вам... Ну что, согласны?

– Гром и молния! Ну, конечно! – вскричал Фариболь. – Черт возьми, Росарж, клянусь, что твой заключенный будет в самых надежных руках!

– Значит, договорились: встречаемся через полчаса во дворце, а я уж скажу кому надо, что острее трех ваших шпаг не найти.

– И я не завидую тому, кто решит испытать их остроту, – подхватил Мистуфле с самым невинным видом.

– Прежде чем разойтись, давайте выпьем за того, ради кого мы готовы отдать свою жизнь! – сказала Ивонна, вставая.

– За здоровье нашего короля! – вскричал Фариболь, вложив в слово «наш» столько чувств, что всем, кроме Росаржа, стало понятно, за кого именно они пьют.

– За здоровье! – поддержал тост Росарж, осушая стакан залпом.

Затем он обменялся рукопожатиями с тремя друзьями и оставил их одних.

Глава VI

Дорога в Пиньероль

Стояла глухая ночь. Трое друзей, несмотря на все свое волнение и нетерпение, явились на встречу с Росаржем точно в назначенное время, ни секундой раньше. Через несколько минут, показавшихся им вечностью, ворота дворца отворились, и в них появилось несколько человек, впереди которых шел монсеньор Людовик. Лицо его скрывала бархатная маска, но друзья сразу узнали юношу по горделивой осанке и статной фигуре. За ним они увидели желчную физиономию Сен-Мара и двух мушкетеров-конвоиров.

Монсеньор Людовик остановился, посмотрел по сторонам и невольно содрогнулся: в ярком лунном свете он заметил неподвижные фигуры четырех всадников в дорожных плащах. Один из них, как бы поправляя шляпу, на какое-то мгновение приоткрыл свое лицо, и юноша еле сдержал крик удивления, узнав подругу своих детских игр.

– Ивонна! – прошептал он.

Но у него не было возможности проверить правильность своей догадки, поскольку Сен-Мар, открыв дверцу стоявшей рядом кареты, с преувеличенно любезным поклоном сказал:

– Монсеньор, окажите мне честь помочь вам сесть в этот экипаж... И не беспокойтесь за меня, монсеньор, – добавил он, язвительно хихикнув, – я тут же последую за вами.

Монсеньор Людовик с достоинством взошел на подножку кареты, даже не взглянув на протянутую руку своего тюремщика.

«Она здесь! – думал он. – Боже мой! Зачем ей это понадобилось?»

Сен-Мар незамедлительно устроился на соседнем сиденье, и карета, гремя колесами по булыжной мостовой, тронулась в путь.

Открыть свое прелестное лицо было со стороны Ивонны непростительным легкомыслием: вид его, возможно, и внес некоторое успокоение в истерзанное сердце монсеньора Людовика, но оно было также замечено и другим, гораздо менее симпатичным персонажем нашего повествования, а именно – Ньяфоном, кружившим вокруг дворца, подобно коршуну, выслеживающему жертву. Увидев из своего укрытия лицо девушки, карлик не сдержал хриплого крика ярости, к счастью заглушенного грохотом отъезжающей кареты. Понимая, что судьба снова надсмеялась над ним, а также, что невозможно пуститься в погоню, не имея даже лошади, он воскликнул:

– Ивонна! Как ты посмела!.. Будь ты проклята!..

Но, сообразив, что он лишь попусту тратит силы и время, Ньяфон бросился через двор ко дворцу, где столкнулся со стражником, которому в красках описал все увиденное, а также не поспешил на эпитеты, обрисовав опасность того, что опознанная им девушка со своими товарищами освободят таинственного пленника.

Между тем карета, увлекаемая резвыми лошадьми, неслась вперед по проселочным дорогам, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Мистуфле скакал рядом с ее правой дверцей, а Ивонна – с левой; как раз там и сидел монсеньор Людовик. Низко склоняясь к шее лошади, она то и дело смотрела на его лицо, так как Сен-Мар, не предвидя никаких осложнений, позволил ему снять маску. Немного позади, оживленно болтая, ехали Фариболь и Росарж, причем первый просто не закрывал рта, не упуская любого повода, чтобы лишний раз выразить второму свою признательность за приглашение участвовать в «этом деле». Три верных друга монсеньора Людовика договорились, что сигнал к атаке подаст Фариболь, выкрикнув свое излюбленное «Гром и молния!».

Фариболь всю дорогу рассказывал Росаржу всякие забавные истории, не забывая внимательно смотреть по сторонам, дабы не упустить подходящий момент. Наконец они оказались

в тихом сумеречном месте, вдали от главной дороги. Фариболь, еще раз тщательно оглядев окрестности, закончил свой очередной анекдот, вскричав:

– Гром и молния!

Затем выхватил шпагу и, держа ее за клинок, нанес Росаржу сильный удар эфесом по лицу. Тот покачнулся в седле и мешком свалился на землю. В это время Мистуфле, глубоко вонзив шпоры в бока своего коня, вырвался вперед, поравнялся с возницей и заколол его кинжалом, а затем, схватив вожжи, остановил лошадей. Ивонна спешила и со шпагой в руке распахнула дверцу кареты, провозгласив:

– Монсеньор Людовик, вы свободны!

Но слова замерли у нее на устах. Сен-Мар, догадавшийся о происходящем по тому, как неожиданно и резко остановилась карета, не потерял присутствия духа и теперь, хладнокровно приставив пистолет к виску пленника, насмешливо ответил Ивонне:

– Свободен? Вы немного поторопились!

С яростным криком Ивонна бросилась внутрь кареты и оказалась между тюремщиком и его пленником. Прогремел выстрел. Девушка почувствовала, как грудь ее пронзила острая боль. Она покачнулась, и Сен-Мар, мгновенно этим воспользовавшись, схватил одной рукой ее за горло, в то время как другой пытался вырвать у нее шпагу. Несмотря на охватившую ее слабость, девушке все же хватило сил проговорить:

– Бегите, монсеньор, бегите!

В этот момент Мистуфле, поняв, что девушке грозит серьезная опасность, открыл дверцу кареты за спиной Сен-Мара и, схватив его за руки, заставил отпустить жертву, затем, напрягая все силы, поднял злодея над собой и вышвырнул его из кареты. Сен-Мар упал у самых ног Фариболья, который тут же приставил к его горлу острие своей шпаги и с изысканной любезностью осведомился:

– Я имею удовольствие обращаться к его превосходительству губернатору Пиньероля?

Между тем монсеньор Людовик взял Ивонну на руки, вынес из кареты, положил на траву и ласково сказал:

– Дорогая моя Ивонна! Бедная девочка! К чему было так рисковать из-за меня!

Девушка зарделась, как мак, взглянула на юношу помутневшим взором и ничего не ответила.

«Боже мой! – подумал монсеньор Людовик. – Похоже, я отгадал сердечную тайну этого создания! Она любит меня! Возможно ли такое?»

Взволнованный своим открытием, юноша окликнул Мистуфле, помогавшего Фариболью связывать Сен-Мара.

Ловко и на удивление аккуратно Мистуфле быстро промыл рану, к счастью оказавшуюся легкой, и, разорвав платок на бинты, перевязал ее.

Монсеньор Людовик хотел было вновь подойти к девушке, как вдруг воздух прорезал пронзительный свист.

– О Боже! – воскликнул Мистуфле. – Монсеньор, что бы ни случилось, не оставляйте мадемуазель одну... Свист моего хозяина не предвещает ничего хорошего.

Сказав это, он побежал к Фариболью, который стоял на коленях, приложив ухо к земле. Какое-то время он прислушивался, а затем сказал:

– Сюда приближается около тридцати всадников.

– Но кто мог предать нас? – воскликнул Мистуфле. – Вы полагаете, это погоня, хозяин?

– Не знаю. Однако в любом случае не мешало бы замести следы... Прежде всего избавимся от ненужных свидетелей. Посадим их в карету и пожелаем счастливого пути!

Сказано – сделано. Через минуту связанный Сен-Мар, так и не пришедший в себя Росарж и мертвый кучер уже находились в карете. Несколько ударов кнута довершили дело: лошади сорвались с места и понеслись во весь опор.

Монсеньор Людовик поддерживал Ивонну, первым шел Фариболь, Мистуфле, держа лошадей под уздцы, замыкал процессию. Невдалеке от дороги стояла старая заброшенная хижина, насквозь прогнившие деревянные стены которой, казалось, вот-вот рухнут. Не сказав друг другу ни слова, друзья направились к этому ветхому укрытию. Мистуфле привязал лошадей так, чтобы их не было видно, и присоединился к остальным.

В щели между досками была видна залитая лунным светом дорога, по которой с бешеной скоростью двигалось большое темное пятно. Под копытами лошадей дрожала земля, матово поблескивала сталь оружия. На всадниках были длинные серые плащи и широкополые шляпы с развевающимися черными и красными перьями.

– Это королевские мушкетеры, – сказал монсеньор Людовик.

Когда всадники поравнялись с хижинкой, чей-то грубый голос хрипло прокричал:

– Я вижу карету! Это они!

– Няффон! – ахнула Ивонна, узнав в кричавшем человеке карлика.

– Вперед! Им от нас не уйти! – подбодрил своих людей командовавший отрядом офицер.

– Как бы не так! – усмехнувшись, сказал Фариболь. – Пускай себе скачут вперед... мы не станем им мешать и отправимся назад! Мистуфле, готовь лошадей! Живее!

– Бесплезно! – ответил тот, указывая на группу всадников, оставшихся охранять дорогу, поскольку они рассудили, что, если карета пуста, беглецы постараются вернуться в Париж, как только почувствуют себя в безопасности. Но самое опасное заключалось в том, что остановились мушкетеры как раз напротив хижины.

Положение друзей становилось критическим. Слева, справа и прямо перед ними были враги, число которых не позволяло даже думать о том, чтобы проложить себе дорогу шпагами. Необходимо было бежать, но куда? Впрочем, времени на раздумья у них также не оставалось, приходилось поставить все на карту и уповать лишь на Провидение. Фариболь предложил выбраться из хижины через заднюю дверь и осмотреться на месте. Никто не возражал.

– Что ж, друзья, тогда вперед! – скомандовал он.

Монсеньор Людовик взял на руки Ивонну и последовал за Мистуфле, осторожно продвигавшимся по узкой тропинке; с тыла их прикрывал Фариболь с пистолетом в руке.

– Быстрее, быстрее! – торопил капитан. – Эти мерзавцы наступают нам на пятки!

– Святая Дева! Мы окружены!

– Окружены? Тысяча чертей!... У меня есть план! – вдруг вскричал Фариболь. – Монсеньор и вы, мадемуазель, ждите нас здесь. Мистуфле, за мной!

Тропинка, по которой они шли до сих пор, превратилась в подобие дороги, идущей вдоль каменной стены. Фариболь с приятелем перелезли через стену и скрылись из глаз.

Между тем мушкетеры обнаружили временное укрытие беглецов, к счастью уже покинутое ими, и теперь, подобно ищейкам, рыскали вокруг. Вдруг один из них с радостным криком, на который сбежались все остальные, обнаружил прижавшихся друг к другу монсеньора Людовика и Ивонну:

– Вот они!

Но тут случилось нечто неожиданное: часть стены, под которой находились мушкетеры, закачалась, словно от землетрясения, повисла на какое-то мгновение в воздухе и рухнула, похоронив под обломками четырех солдат и их коней. Затем из пролома, размахивая руками, выскочил человек и закричал:

– Скорее, монсеньор! Сюда! Дорога свободна!

– Это же Фариболь! – воскликнул монсеньор Людовик, поднимая Ивонну и бросаясь к нему.

– Тысяча чертей! Как вам понравилось представление? Этот Мистуфле – настоящий Самсон, ему по силам разрушить храм!

Однако опасность еще не миновала, поскольку остальные враги, привлеченные грохотом рухнувшей стены, могли появиться в любой момент. У друзей не было времени для раздумий, и они снова пошли вперед, не ведая куда. Внезапно перед ними выросла новая стена такой высоты, что над ней были видны лишь качающиеся кроны деревьев.

– Это стена какого-то парка, – задумчиво произнес Мистуфле. – Через нее нам уже не перелезть...

И тут по обе стороны дороги заблестели стволы мушкетов, а позади беглецов раздался нарастающий шум, возвещающий о приближении врагов.

– Тысяча чертей! Вот теперь мы попались! – в отчаянии вскричал Фариболь. – Я не вижу никакого вы...

Ему не суждено было закончить фразу; зацепившись ногой за какое-то незамеченное препятствие, он во всю свою немалую длину растянулся на земле.

– Проклятье! – воскликнул капитан, вставая. – Это же ступенька! Лестница! Господи, а вот и дверь! Вперед, Мистуфле, это по твоей части!

– Иду, хозяин!

Сохраняя полнейшее спокойствие, Мистуфле извлек длинный тонкий нож, повозился несколько мгновений у замочной скважины и, торжествующе улыбаясь, распахнул дверь со словами:

– Готово, хозяин!

Когда все вошли, он вновь вернулся к двери и запер ее тем же нехитрым способом, что и открыл.

В парке царил гробовая, обволакивающая тишина. В глубине стоял дом, но все огни в его окнах были погашены. Вдруг беглецы услышали перебранку, команды и грубые окрики. Это мушкетеры, потеряв след четырех друзей и здраво рассудив, что в парк они пробраться никак не могли, рассыпались по окрестностям в надежде вновь их обнаружить.

Вскоре шум голосов стих вдали, и друзья с облегчением переглянулись. В это время из-за туч показалась луна, и свет ее упал на сильно побледневшее и искаженное от боли лицо Ивонны.

– Боже мой! – в тревоге воскликнул монсеньор Людовик. – Нельзя терять ни секунды! Не знаю, кого мы встретим здесь, друзей или врагов, но клянусь, что не пройдет и десяти минут, как я найду кого-нибудь, кто сможет заняться моей несчастной сестрой... Возьмите ее и идите за мной!

– Монсеньор, – сказал Фариболь, показывая в самый дальний угол парка, – там виден свет. Готов поклясться, что это домик садовника. Попросим убежища у него!

Минуту спустя все четверо стояли перед маленьким флигелем. Из окна на первом этаже струился свет, занавески были раздвинуты. Монсеньор Людовик заглянул внутрь и увидел коленопреклоненную женщину, погруженную в молитву. Не опасаясь больше, он подошел к двери и постучал. Внутри домика прошелестели легкие шаги, и дрожащий голос спросил:

– Что вам угодно?

– Во имя милосердия, – взмолился юноша, – откройте нам! Мы нуждаемся в помощи, с нами девушка, которая умирает от холода и боли...

– Но кто вы?

– Мое имя монсеньор Людовик, а...

Его прервал грохот отодвигаемого засова. На пороге возникла девушка, так и не успевшая закончить свою молитву, и с радостным криком бросилась им навстречу:

– Людовик! Людовик!

– Сюзанна! Ты... здесь?! – еле вымолвил пораженный юноша, узнав дочь графа де Бреванна.

И, позабыв все невзгоды, опьянев от охватившего его счастья, он опустился на колени перед женщиной, ради которой не раз рисковал жизнью.

Собрав последние силы, Ивонна освободилась от державших ее рук, но от боли и радости не смогла сделать и шага. Мир бешено завертелся у нее перед глазами, и она лишилась чувств.

Глава VII

Заговорщики

Вполне понятно, что для некоторых придворных смерть Анны Австрийской явилась жестоким ударом. Покинув этот мир, королева оставила без защиты тех, кому покровительствовала при жизни, даже не подозревая о том, что они готовят заговор против Людовика XIV.

В том самом роскошном особняке, во флигеле которого укрылись наши беглецы, четыре человека обсуждали в это время упомянутое печальное событие, искренне их опечалившее. Впрочем, их печаль была вызвана, скорее, эгоистическими, нежели сентиментальными чувствами. По зову маркизы де Монтеспан в ее дом явились графиня де Суасон, герцог Лотарингский и граф де Роган. Предвидя скорый конец своей покровительницы, все четверо условились помогать друг другу, дабы не оказаться не у дел после ее ухода. Им требовался некто, а именно девушка, достаточно молодая, красивая и воспитанная, чтобы король, влюбившись в нее, возвел ее на трон, но в то же время достаточно послушная и наивная, чтобы беспрекословно действовать по указке четырех заговорщиков.

Однажды, проезжая через окрестности Дижона, Людовик XIV посетил монастырь урсулинок и, увидев там молодую дочь графа де Бреванна, весьма благосклонно отозвался о ее красоте. Маркиза де Монтеспан этого не забыла и позднее, когда близкая смерть королевы-матери уже не вызывала ни у кого сомнений, разработала план, довела его до сведения остальных, и все четверо осуществили его. Речь шла, конечно же, о похищении мадемуазель де Бреванн и ее временном заточении в доме маркизы, которая должна была представить девушку при дворе короля.

Это и многое другое обсуждали заговорщики, когда в дверь залы осторожно постучалась служанка, а войдя, в испуге заявила:

– Госпожа, здесь его величество король!

Услышав подобную новость, все вскочили со своих мест.

– Король здесь? – воскликнула маркиза де Монтеспан. – Ты в своем ли уме? Объясни, что произошло!

– Я была во флигеле вместе с мадемуазель Сюзанной, – ответила служанка. – На какое-то время я оставила ее одну, она хотела помолиться... Затем я услышала, как отпирают дверь, когда же я вошла проверить, все ли в порядке, то увидела короля, стоящего на коленях перед мадемуазель де Бреванн.

– Хорошо, ступай, – распорядилась маркиза де Монтеспан и, повернувшись к своим гостям, сказала: – Стоит ли ломать голову над разгадкой этой тайны, если в конечном счете это нам на руку...

Подойдя к стене, маркиза отодвинула гобелен, и взорам присутствующих открылся вход в соседнюю комнату.

– Пройдемся сюда, господа, – сказала хозяйка дома, – здесь мы услышим все, о чем они говорят. В случае же опасности мы покинем дом через дверцу, замаскированную в том углу... Она ведет к потайной лестнице, а оттуда – в парк, где нас никто уже не сможет найти.

Оказавшись столь неожиданно перед владычицей своих грез, монсеньор Людовик позабыл обо всем на свете.

– Ах, Сюзанна, Сюзанна! – говорил он, вновь и вновь целуя ей руки. – Ты еще помнишь и любишь меня, как тогда, в детстве, когда наши чувства и мысли сливались в едином порыве?

– Да, – отвечала девушка, – да, Людовик. В ту роковую ночь, увидев тебя спешащим мне на помощь, я выкрикнула твое имя, стремясь закрыться им, словно щитом, от неминуемой, как мне казалось, смерти.

– Благодарю тебя, Сюзанна, за эти слова... Но скажи, зачем тебя привезли сюда?

– Не знаю... А ты, Людовик, как ты попал в эту глушь? Ты говорил, что с тобой друзья, и один из них ранен.

Юношу охватил стыд. Как мог он забыть о своих друзьях, которым был обязан жизнью и счастьем! Монсеньор Людовик быстро поднялся и направился к двери. Сюзанна позвонила в колокольчик, и на ее зов тут же явились две служанки.

– В двух шагах отсюда, – сказал им юноша, – вы найдете моих товарищей. Им необходима помощь: среди них женщина, она ранена...

– Женщина! – побледнев, воскликнула Сюзанна.

– Да, – ответил монсеньор Людовик, – почти девочка, которая по доброте душевной рисковала из-за меня жизнью. Это Ивонна, моя молочная сестра, дочь мадам Жанны.

– Боже мой! Ивонна! – сказала девушка и, обращаясь к служанкам, распорядилась: – Уложите ее на мою постель.

Секунду спустя во флигель вошли Мистуфле и Фариболь, держа на руках бесчувственную Ивонну. В сопровождении служанок, которым была поручена забота о них, они проследовали в смежную комнату; Сюзанна и Людовик сели на софу; девушка вкратце рассказала ему о своих приключениях; юноша, в свою очередь, поведал ей о происшедшем во дворце и по дороге в Пиньероль, а также о тайне своего рождения.

Закончив свой рассказ, он увидел, что глаза Сюзанны полны слез.

– Я плачу, Людовик, потому что дочь бедного дворянина не достойна любви короля Франции.

– Ах, Сюзанна! – ответил монсеньор Людовик, сжимая ее руки. – Ты забываешь, что я всего лишь изгнанник, вынужденный хранить инкогнито, беглец, которому судьба уготовила тюрьму, а не трон.

– Кто знает, монсеньор, кто знает! – внезапно раздался позади них чей-то громкий решительный голос.

В испуге молодые люди одновременно обернулись. Четверо заговорщиков, столь нескромно подслушавшие их беседу, теперь стояли перед ними. Оба мужчины склонились в придворном поклоне, коснувшись пола перьями шляп.

– Кто вы такие? Что вам угодно? – вскричал монсеньор Людовик, хватаясь за шпагу.

– Монсеньор, – ответил ему герцог Лотарингский, – наши имена многое значат при дворе, и мы – самые верные подданные своего короля.

– Значит, вы мне враги?

– Монсеньор, – возразил герцог, – я сказал «своего короля», а не узурпатора...

– Как, господа! Вы слышали... Вы полагаете...

– Что перед нами единственный сын Людовика Тринадцатого, законный наследник трона, а посему мы смиренно повергаем к вашим ногам свои шпаги, свои сердца и свою верность, дабы вы могли воспользоваться ими по своему августейшему усмотрению.

– О! – воскликнул юноша. – Не сплю ли я? Правда ли то, что я вижу? Возможно ли, что, когда все складывается против меня, фортуна повернулась ко мне лицом, преподнесла сразу дружбу людей, способных возвести меня на трон, и любовь женщины?

Легкий вздох, скорее, даже сдавленное рыдание, заставило его оглянуться. На пороге комнаты, поддерживаемая Мистуфле и Фариболем, стояла Ивонна. Сильно побледнев, с печалью и смирением во взоре, она молча наблюдала за происходящим.

– Подойдите! – позвал их монсеньор Людовик. – Ты, моя дорогая Ивонна, и вы, мои верные друзья. Вы всегда будете жить в моем сердце! Если я когда-нибудь стану королем, я хочу, чтобы весь мой народ, все люди Франции, знатные и нет, были одной большой семьей, равно защищенные моей властью и любимые мною.

И, взяв их за руки, он повернулся к своим новым знакомым, но графиня с улыбкой сказала:

– Ваше величество позволит дать вам один совет?

– Говорите, сударыня.

– Лучше отложить наше знакомство до лучших времен... Я слышала удары в ворота парка, посмотрите, сколько там факелов. Вас, без сомнения, ищут.

– Верно! – ответил монсеньор Людовик, выглянув в окно. – Обнажим наши шпаги и...

– Сир, в данных обстоятельствах шпаги нам не помогут. Я молю вас укрыться ненадолго там, где до сих пор спрятались мы... Помещение, конечно же, недостойно вас, но... отнесите к нему как к прихожей Лувра.

Оценив по достоинству мудрость данного совета и понимая, что нельзя терять время, монсеньор Людовик еще раз поцеловал Сюзанне руку и вместе с Фариболем, Ивонной и Мистуфле отправился в потайную комнату.

Вскоре в коридоре раздались шаги, и на пороге появились Сен-Мар и Росарж. Увидев перед собой герцога Лотарингского, Сен-Мар смутился.

– А, месье де Сен-Мар! – воскликнул герцог. – Подойдите-ка сюда!

Сен-Мару было за что бояться могущественного придворного. Он робко подошел, комкая в руках поля шляпы.

– Прошу прощения, монсеньор, – сказал он. – Я разыскиваю одного бежавшего заключенного, охрану которого поручил мне его величество король.

– Да ну! Не сомневаюсь, что он решил вознаградить вас за добрые дела, творимые вами в часы досуга...

– Что вы имеете в виду, монсеньор?

– Как? Вы не узнаете эту девушку? – спросил герцог, указывая на Сюзанну.

– Зато я его узнала! – в испуге воскликнула мадемуазель де Бреванн. – Это тот самый человек, что похитил меня!

– Ого! У этой очаровательной девочки память лучше вашей, мой славный Сен-Мар!

– Но, монсеньор, – в растерянности ответил Сен-Мар, – позвольте напомнить вам, что именно вы...

– Помешал насильно уложить бедную девушку в постель Людовика Четырнадцатого? Проклятье! Моя честь дворянина не могла не восстать против подобного зверства! – бесстыдно заявил герцог, достаточно громко, чтобы его наверняка услышал монсеньор Людовик.

Окончательно растерявшись, не понимая, что происходит, Сен-Мар решил прикинуться дурачком, дабы не перечить дальше столь могущественному и влиятельному человеку.

– А теперь, – продолжал герцог, – я считаю излишним объяснять вам, что вашего пленника нет в этом доме. Уходите и оставьте нас в покое!

Сен-Мар молча поклонился и вышел вместе с Росаржем, не менее удивленным, чем он сам.

Герцог Лотарингский повернулся к Сюзанне и отеческим тоном произнес:

– Дорогая девочка, теперь, я думаю, вы поняли, какой опасности подвергались?

– О сударь! – воскликнула девушка в порыве благодарности. – Я никогда не забуду, чем я обязана вам...

– Я лишь исполнил свой долг, мадемуазель де Бреванн! В остальном же вам будет лучше остаться здесь, под покровительством маркизы де Монтеспан. Это самое безопасное место... А сейчас я попрошу вас уйти.

– Уйти? И вы не позволите мне проститься с монсеньором Людовиком?

– Не будем тревожить его лишней раз... Через три дня он разыщет вас, и вы сможете соединиться навеки, поскольку он уже будет королем Франции.

Со счастливой улыбкой на устах Сюзанна последовала за маркизой в глубь дома, навсегда простившись с флигелем, в котором, подобно монсеньору Людовику, ее мог застать врасплох любой посланный короля.

Когда маркиза вернулась, герцог отозвал ее вместе с графиней де Суасон к окну и шепотом сказал:

– Маркиза, я прошу вас не показывать девушку королю раньше чем через три дня.

– Понимаю. Завтра хоронят королеву-мать и...

– Необходимо дать ему время ее оплакать. Что касается монсеньора Людовика, я спрячу его у себя до подходящего момента.

– А я займусь раненой девушкой, – сказала графиня де Суасон. – Не знаю даже почему, но она мне очень симпатична.

– Я же, – вступил в разговор граф де Роган, – возьму к себе на службу двоих оставшихся. Они могут пригодиться нам впоследствии, так что не стоит терять их из вида.

– Через три дня мы соберемся в доме вдовы Скаррона, где и уточним все детали нашего плана...

Минуту спустя маркиза ушла проверить, как устроилась Сюзанна. Ни она, никто из принимавших участие в разговоре не подозревал о незримом присутствии еще одного человека, уродливого горбатого карлика, прятавшегося все это время под окном и слышавшего всю их беседу, по окончании которой он быстро ретировался, радостно потирая руки.

Как только маркиза покинула комнату, герцог Лотарингский нажал на скрытую пружину, и одна из панелей легко скользнула в сторону, открывая вход в потайное помещение.

Монсеньор Людовик, бледный, с искаженным от боли и гнева лицом, немедленно вышел навстречу герцогу и спросил:

– Господин герцог, вы можете поклясться, что Сен-Мар действительно имел гнусные намерения, вызвавшие ваше праведное негодование? Неужели правда, что Людовик Четырнадцатый хотел насильно сделать мадемуазель де Бреванн своей... женой?

– Да, сир.

– Тогда и я поклянусь... Я клянусь, что если это ничтожество, лишившее меня трона, имени и свободы, попробует отнять еще и любимую мною женщину, я убью его!

– Немного терпения, сир! Через три дня на этом самом месте вы снова увидите мадемуазель де Бреванн. Я обещаю.

Эти слова немного успокоили юношу, и вскоре флигель опустел. Монсеньор Людовик расстался со своими преданными друзьями в уверенности, что очень скоро увидит их вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.